

На следующее утро я проснулась очень рано. Когда я закончила умываться, из соседней комнаты вышла Чэн Ди. Под глазами у неё залегли тени.

Я вскинула голову и одарила её лучезарной улыбкой:

— С добрым утром!

Она замерла, явно не ожидая от меня такого настроения.

Да, я хотела казаться сияющей. Я хотела, чтобы в её памяти запечатлелась именно такая — свежая и красивая — я, а не та унылая и подавленная тень, которой я была в последнее время. Прости меня, Чэн Ди, но мне так хочется, чтобы ты запомнила меня с лучшей стороны...

Хотя, успокоившись ещё вчера вечером, я поняла, что когда она уходила, то не выглядела так, будто ей трудно передвигаться, я всё же спросила:

— Как твоя нога?

Она ответила, что всё в порядке.

— Всё готово, можешь умываться, — я указала на ванную, и она кивнула.

Пока она приводила себя в порядок, я занялась завтраком. Приготовила то, что она любила больше всего: глазунью и рисовую кашу. Когда она вышла, уже причёсанная и одетая, я позвала её:

— Иди завтракать!

Она села за стол. Её макияж был безупречен, а тёмные круги исчезли без следа. Увидев яичницу, она снова удивилась. Я положила ложку ей в тарелку, протянула палочки и сказала:

— Ешь. Редко когда удастся попробовать глазунью от Сяо Нин.

Моё лицо по-прежнему светилось улыбкой, словно между нами ничего не произошло. Она взяла палочки, и выражение изумления на её лице начало медленно таять. Сама я насыпала в свою миску побольше сахара, чтобы хоть как-то почувствовать вкус...

Она подцепила яйцо, взглянула на меня и начала медленно есть.

— Вкусно? — спросила я.

Она кивнула:

— Так же вкусно, как ты готовила раньше... — голос её звучал спокойно, но я знала, что внутри у неё сейчас бушует буря.

— Тогда доедай всё, — улыбнулась я, чувствуя, как сжимается сердце. Я думала, что у меня больше не будет шанса приготовить что-то для неё, и вот он представился. Но, боюсь, это в последний раз. Ты ведь возненавидишь меня после этого, правда?

Она снова кивнула, а через некоторое время осторожно спросила:

— Ты теперь часто готовишь для Сы Мина?

Сы Мин? Когда мы были вместе, он готовил гораздо чаще меня. А я... я не хотела повторять то, что делала только для Чэн Ди, и часто ленилась.

Я покачала головой:

— У него кулинарный талант лучше моего, так что я обычно ленюсь.

Она снова слегка удивилась.

— Хватит о нём. А ты? За эти годы стала шеф-поваром?

Она отложила палочки:

— Готовлю изредка, так, средненько.

— О? Нужно добавить сахара? — почему моя яичница, даже с горой сахара, всё равно кажется мне горькой?

Она покачала головой. Я пододвинула сахарницу к ней:

— Если мало — добавь, — сказала я с преувеличенным энтузиазмом.

После завтрака я предложила:

— У меня сегодня нет дел, давай я погуляю с тобой по магазинам?

На самом деле я уже договорилась с Сы Мином встретиться у него, но отправила сообщение, что у меня появились дела, и отменила встречу. Она посмотрела на меня и ответила:

— Хорошо, — а через мгновение добавила: — Почему?

Я поняла, что она имеет в виду. Она хотела спросить, почему я так изменилась за одну ночь: вчера — холодная и безразличная, а сегодня — весёлая и приветливая. Я не хотела говорить ей

причину так рано. Я хотела, чтобы сегодня она была счастлива, хотя бы один день...

Поэтому я потянулась и сказала:

— Просто скучно стало. Ты же знаешь, я люблю проводить время с друзьями.

Она пристально посмотрела мне в глаза, пытаясь понять, правду я говорю или нет. Но на мне была маска — идеальная маска.

— Ты не хочешь идти?

Она промолчала, всё ещё раздумывая.

— Тогда решено. Подожди меня, я переоденусь.

Я порылась в шкафу и выбрала короткую рубашку с этнической вышивкой, светло-голубые джинсовые шорты, тёмно-синий узкий ремень и синие кожаные босоножки. Переодевшись, я посмотрела в зеркало и осталась довольна: вышивка на подоле рубашки почти скрывала шорты, что делало наряд похожим и на платье, и на блузку. Весь образ выглядел свежо, элегантно и стильно. Я распустила длинные волосы, позволив им свободно лежать на плечах.

Когда я открыла дверь, её глаза блеснули при виде меня. Я покружилась:

— Ну как, красиво?

Она кивнула. Я должна была радоваться, но сердце пронзила острая боль — ведь эта красота больше никогда не будет принадлежать ей. Я отбросила боль в сторону, взяла её под руку и воскликнула:

— Пойдём!

Выходя, она заметила горшок с жасмином, и её взгляд потускнел. Я сделала вид, что не заметила этого, закрыла дверь и мы спустились вниз.

В её машине мы направились в самый оживлённый центр города. В магазинах уже вовсю продавали летние коллекции, а кое-где появились и новинки осени. Мы ходили из одного торгового центра в другой, примеряя всё, что нам приглянулось. Она выбрала ярко-синюю блузку и, выйдя из примерочной, спросила, как она ей.

Блузка была сшита просто, но изысканно, подчёркивая её утончённость, скромность и грацию. Я не скупилась на похвалу, отчего её улыбка стала шире. Когда она вышла в этой обновке, я сказала, что уже всё оплатила.

Она снова удивилась. Я лишь рассмеялась: подумаешь, какая-то блузка. Мне просто хотелось сделать для неё всё, что в моих силах, именно сегодня...

Потом мы купили ещё кое-что, а на обед ели тайское мясо, которое жарили сами, от души веселясь. Вечером я спросила, куда она хочет пойти. Она подумала и ответила, что на улице жарко, давай в океанариум. Там, среди огромных толщ прозрачной синевы, действительно было прохладно и спокойно, но мне от этого стало лишь печальнее.

Вечером она спросила, не устала ли я. Я покачала головой, сказав, что хочу гулять дальше, и предложила сходить в кино. Она согласилась. На входе я купила попкорн. Она посмотрела на меня с недоумением — наверное, подумала, что в моём возрасте пора бы уже перестать вести себя как шестнадцатилетняя девчонка.

Я просто лучезарно улыбнулась:

— Ты же раньше так любила попкорн.

На экране разворачивалась история любви красивой пары: знакомство, чувства, недопонимание, расставание и встреча спустя два года в чужой стране...

Я ела попкорн, глядя на игру света и тени, и вспоминала, как семь лет назад мы с Чэн Ди тоже ходили в кино. Мы были молоды, не думали о будущем, знали лишь, как отдавать друг другу всю свою любовь. Мелкие ссоры, ревность, дурачества — всё это было прекрасно, и мы даже не подозревали, что сразу после выпускных экзаменов начнётся настоящий кошмар...

Чэн Ди сидела справа от меня и смотрела, как я с аппетитом ем, сама же не притронулась. Я взяла зёрнышко и поднесла к её губам, призывая открыть рот. Она смотрела на меня своими блестящими глазами, не выражая никаких эмоций, но в конце концов приоткрыла губы. Я подалась вперёд, и она приняла угощение, заодно слегка прикусив кончик моего пальца.

Я не убрала руку, она не разомкнула губ. Мы замерли, глядя друг на друга. Мои пальцы чувствовали мягкость и тепло её губ, а мои собственные губы жаждали поцелуя. Сильно, неистово. Здесь, в темноте, среди людей — неважно где, — мне хотелось целовать её без всяких оглядок.

Но я не сделала этого, хотя внутренний порыв захлестнул меня, как морская волна. Она, наконец, разомкнула губы.

Я отдёрнула руку и рассмеялась:

— Вкусно, правда? Если ты не хочешь, я всё сама съем!

Она медленно жевала попкорн, а блики света играли на её лице, освещая глубокий, печальный взгляд.

Я отвернулась к экрану:

— Смотри на них, столько ссорились, а всё равно остались вместе. Знали бы, что так будет — не стоило и расставаться, потратили два года впустую!

Она отвернулась и уставилась на экран.

Сеанс закончился, мы вышли из кинотеатра уже в девять вечера. Я проводила её до парковки. В машине, на пассажирском сиденье, стоял горшок с жасмином, который я принесла с собой. Бутоны раскрывались навстречу ночи — нежные, чистые, хрупкие, как ангелы...

Она потянулась к дверце машины и сказала, что подвезёт меня. Я улыбнулась и покачала головой, сдерживая слёзы, которые так и рвались наружу. Пока она не успела обернуться, я произнесла:

— Езжай. И больше не ищи со мной встреч.

Её рука замерла на ручке двери. Она долго не двигалась, а потом обернулась. В ночном свете её слёзы казались пугающе красивыми.

— Ты весь день была со мной только для того, чтобы сказать, что мы больше никогда не увидимся?

Я посмотрела ей в лицо:

— Да. В этом больше нет необходимости. Никогда больше.

В её глазах стояли слёзы, но она рассмеялась:

— Вот значит как. Такой у тебя план? Семь лет тишины, три встречи после возвращения, а теперь — прощай навсегда?

Я знала, как ей больно, и от её боли моё сердце разрывалось ещё сильнее, но единственным моим выбором было кивнуть.

— Хорошо. Сяо Нин, ты умеешь быть жестокой, — бросила она, не сводя с меня глаз.

Я выдавила улыбку. Знаю, она вышла бледной, почти горькой, но я всё равно улыбалась. Кроме улыбки, я не знала, что сказать или сделать.

Она продолжала смотреть на меня, и её взгляд становился всё холоднее. Наконец, она рывком открыла дверь, достала горшок с жасмином и с грохотом бросила его на землю:

— Если я ещё хоть раз свяжусь с тобой, пусть я перестану называться Чэн Ди!

Я смотрела, как фарфоровый горшок разлетелся на куски, но земля удерживала их вместе, не давая рассыпаться окончательно. Совсем как моё сердце — разбитое вдребезги, но удерживаемое разумом. Как же это жестоко — даже страдать не иметь права по-настоящему.

Свежераспустившиеся цветы сломались, безжизненно повиснув на стеблях. Чэн Ди бросила последний взгляд на жасмин, затем снова уставилась на меня. Слёзы катились по её щекам.

Я встретила её взгляд, глядя на это лицо — такое чистое, ставшее спустя семь лет ещё прекраснее — и запечатлела его в своём сердце как новое воспоминание.

Она долго молчала, глядя на меня, а потом, окончательно отчаявшись, нырнула в машину. Дверь захлопнулась с резким стуком, и автомобиль сорвался с места.

Я смотрела, как серебристо-серый силуэт постепенно исчезает вдаль, чувствуя, как она навсегда покидает мою жизнь.

Холодный ночной ветер ударил мне в лицо, и слёзы, вопреки ветру, полетели прочь...

<http://bllate.org/book/20983/2130417>